

павел волчик

3

ДИЕТАРГИЯ

пробуждение

Павел Волчик

Летаргия 3. Пробуждение

«Автор»

2024

Волчик П. В.

Летаргия 3. Пробуждение / П. В. Волчик — «Автор», 2024

Вот и уснуло человечество, измотанное неизвестным фактором усталости. Но остались те, кто может этому фактору противостоять. Мы, неспящие, были рассеяны по городам, но объединились. Теперь у нас есть точка на карте и надежда на всеобщее пробуждение. Но есть и другие неспящие, которым это не выгодно. Они пытаются нам помешать. Пока мы только кучка растерянных и напуганных людей, движущихся через страну на машинах к пикам Эльбруса. Там все ответы на загадки — почему Землю окутала летаргия? Кто её вызвал? Почему неспящими выбраны именно мы? Кто знает, может, все мы созданы для большего... Но пока, мы просто люди со своими слабостями. Мы просто едем навстречу неизвестности. Неопытный фельдшер, неудавшаяся художница, сварливый учёный, ненастоящий ветеран, бесчувственная девочка и прочие. Что мы можем? Не так уж много. Но мы делаем всё, что в наших силах, чтобы мир пробудился. Будет ли пробуждение новым началом, или только началом конца — решать не нам. Или нам? Время покажет.

© Волчик П. В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

От автора	5
Совсем один	7
Голодный	14
Попутчик	20
Игра	24
Гений	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Павел Волчик

Летаргия 3. Пробуждение

От автора

В ваших руках третья, заключительная часть цикла «Летаргия». Как и в любой истории, не все герои добираются до финала, так и последняя книга попадёт в руки только самым стойким читателям.

Действие третьей части разворачиваются в России, в наше время. Люди на Земле перестали восстанавливаться. Усталость изменила облик планеты, усыпила целые народы, от мала до велика. Её действие нарастало постепенно и мало кто успел заметить, что произошло, прежде всего потому, что утомление сделало людей рассеянными и они перестали вообще что-либо замечать.

Однако, уснули не все. Небольшая группа «неспящих», всё ещё борется за свои жизни и пытается отыскать причину феномена усталости. Они лишь примерно понимают, что происходит, и у них нет чёткого ответа на вопрос: почему бодрствуют именно они?

Среди них нет ни одного человека, специально подготовленного к такой ситуации. Врач, учёный, художница, пожилой пенсионер, девочка с врождённой анальгезией, владелец кофейни, хозяйка салона красоты, студентка и оленевод с Крайнего Севера – вот и вся компания. Добавим к ним дворнягу по кличке Клёпа и четырёхлетнюю Лизу, которая чудесным образом спаслась в прошлой книге.

Все они нашли друг друга, объединились, и двинулись в сторону Эльбруса – точке, в которой лежат ответы на их вопросы. Новый опустевший мир предложил им свои правила игры. На вершине горы поселилось неизвестное создание, явившееся из космоса. Именно с ним могут быть связаны глобальные изменения в мире. Кроме того, не все неспящие желают пробуждения человечества. В новом мире есть те, кто пытается помешать экспедиции достичь горы – они называют себя Посредниками и Проводниками. И они служат существу, живущему на вершине.

У выживших обострились способности, появились новые дарования. Но для чего? Для борьбы с незванным гостем или для общения с ним? А может для того, чтобы обрести мировое господство? Им предстоит выяснить – зачем Нечто прилетело в их мир и чего хочет. И главное – почему в этом мире остались именно они?

Список главных героев

Экспедиция на Эльбрус:

Логарифм (Ибрагим Беркутов) – учёный-эколог. Дар: воздействие на разум женщин.

Кира – его студентка. Дар: подавление силы Посредников.

Майя – художница и многодетная мать. Дар: перемещение собственного фантома в пространстве.

Лиза – младшая дочь Майи, найденная после всеобщего засыпания.

Остап – молодой фельдшер. Дар: исцеление наложением рук.

Нелли – девочка с анальгезией. Дар: сверхчувствительность.

Никанор Саблин – пенсионер, выдававший себя за ветерана. Дар: левитация.

Тым – житель Крайнего Севера. Дар: понимание языков животных.

Роман Вешников – бывший сомнолог, бариста кофейни «Письма». Дар: неизвестен или отсутствует.

Те, кто не смог участвовать в экспедиции:

Отец Ануфрий – монах отдалённого северного монастыря. Дар: пророческие сны.

Галилей – астроном в Пулковской обсерватории, с наследственным синдромом хронической усталости. Дар: обрывочные видения о будущем.

Совсем один

Во-первых, у него устал большой палец на правой руке, во-вторых, замёрзли ноги.

Да что там! Палец уже горел огнём и ныл, а ноги, согнутые ровно под бардачком, превратились в две ледышки.

Шея – она тоже болела. Фима растёр потной ладонью обросший затылок, размял пухлое плечико. Он себя часто трогал, когда играл в смартфон. То там, то здесь. Иногда его рука чесала подмышку, другой раз ковырялась в носу или опускалась под пухлый животик и пряталась за резинку трусов. Бабушка говорила ему, что так делать некрасиво, а мама поддакивала. Мама всегда поддакивала бабушке.

Вот и сейчас он по привычке сунул руку за пояс. И уже ждал, что услышит ворчание бабули, но ладонь скользнула по куртке, пальцы ощупали ширинку на джинсах, а не мягкие спортивные штаны. Опа! Да он же не дома! Фима на пару секунд поднял голову и тупо уставился на грязное лобовое стекло, на застывшие дворники.

Да, точно. Мама зачем-то повезла его с собой в город. К какому-то «яристу», решать какие-то дела с бывшим папой.

Фима снова уткнулся в экран смартфона. Однако, палец свербел и ноги... Он их вообще чувствует?

Мальчик тяжело вздохнул и поставил игру на паузу. Он только что завалил из АК-47 тролля под ником Killer13 и поднялся на пятьдесят шестой уровень, а в сундуке у тролля мог быть спрятан целый арсенал!

Закрапал дождик. Почему так холодно? Мальчик посмотрел в окно, потом в боковое зеркало. И не увидел ни одного пешехода. Это надо же! В середине дня в центре Москвы никого нет!

Фима повернул голову налево: через дорогу виднелась высокая каменная стена и причудливая башенка, венчающая главный вход в зоопарк. Да! Именно туда мама обещала сводить его, после того, как сходит к яристу. Где же она? И уже прошло пятнадцать минут? Судя по тому, как успела остыть машина...

Пальцы снова потянулись к экрану. Фима уже подобрался к сундуку, но тут прибежал Викинг и Упырь из команды Синих. Пришлось активно защищаться.

Холод подобрался по ногам и копчику, потянулся вдоль позвоночника. Фима вздрогнул. На его пухлых и слабых руках встали дыбом светлые волоски.

Мальчик нажал на паузу, озадаченно помял мочку уха. За окном заметно потемнело. Но ещё ведь день! Или уже нет? Фима растерянно моргнул. У него были часы, но он не обратил внимания на то, во сколько мама ушла. Он ведь играл. А когда играешь, время летит так быстро и всё остальное становится неважно!

Фима постарался вспомнить, а в какой именно дом пошла мама? В какую дверь? Хотя бы, в какую сторону? Но он, кажется, даже это забыл. А помнил ли? Ведь как только она разрешила ему достать смартфон, он от радости тут же обо всём забыл.

Конечно, его беспокоило, что мама не приходит так долго, но ещё больше волновало то, что лежит в сундуке. Экран загорелся, пальцы снова задвигались по экрану как червяки. На подмогу Викингу (Упыря он убил), подоспел Зомби. Но сработала ловушка.

Странно, и Викинг и Зомби, и Упырь играли плохо, как искусственные боты. Так словно бы игра опустела вслед за остальным миром.

Когда Фима всё же добрался до содержимого сундука, его руки так дрожали, что он не выдержал и отключился. Да он продрог! Причём так сильно, что у него тряслась нижняя челюсть и стучали зубы.

Небо быстро чернело. Но фонари почему-то не зажглись.

Где мама? Он разозлился и стукнул себя по ляжке. Обиженно закусил губу, потёр ладонью болезненное место. А потом его накрыл страх. Медленно и вязко страх пополз со всех концов улицы к машине, протянул щупальца темноты, и начал скользить по грязным окнам издавая мерзкий скрип.

Ты один. Ты всегда будешь один.

– Я не один! У меня есть мама. У меня есть бабушка.

Твой отец ушёл от тебя. Твоя мать ушла от тебя. Твоя бабушка слишком стара. Она умрёт. Ты один. Один на свете.

– Нет!

Фима рванул ручку на дверце. Раз, другой – та не поддалась.

«Тух-тух-тух» – колотилось в его впалой груди сердце. – «Ты стух-стух-стух».

– Я не стух! – он начал задыхаться, зашёлся в панике, как бывало с ним, когда в классе Лёшка Макаров дразнил его «свиной».

– Мама! Мамочка моя...

Его рука снова зашарила у двери, снова дёрнула за ручку, но дверь опять не открылась.

Да, он редко называл её мамочкой. В последнее время она всё время на него кричала, и от неё пахло сладким уксусом и спиртом. По вечерам она запиралась в ванной и включала воду, но они с бабушкой всё равно слышали, как она плачет. Потом, она выходила, покачиваясь, с сухими волосами и красными глазами, а в свёрнутом полотенце прятала что-то стеклянное. Бабушка начинала ругаться, а Фиму отправляли играть в его комнату.

Дома у него был хороший игровой компьютер с мощным процессором. Когда родители спорили, кто его заберёт после развода, отец расщедрился на дорогие подарки.

Даже этот смартфон он подарил ему перед тем, как переехал обратно в свой Иран. Фима перестал дрожать и посмотрел на гаджет. Да ведь он может позвонить маме! Оставалась ещё половина заряда батареи, и мама всегда говорила: если что – звони. Может, наконец, настало это «если что»?

Он нашёл контакт «Мамуля» и нажал вызов. В отражение окна увидел своё лицо – детскую испуганную улыбочку. Гудки, голос автомата.

Фима прижался к стеклу, уставился на дверь соседнего дома – может сейчас она выйдет оттуда?

Твой отец ушёл от тебя. Твоя мать ушла от тебя.

– Заткнись, – Фима прикусил ноготь на большом пальце. Набрал телефон бабушки. Она вечно не слышала звонка, но вдруг повезёт?

Не повезло. Бабушка не ответила.

Нужно просто ещё посидеть в машине и подождать. Поиграть в игру... Но тут Фима обнаружил, что не хочет играть. Может быть, впервые за несколько лет ему совсем этого не хотелось! Зато внизу живота всё заныло и закрутило. Фима с ужасом обнаружил, что он давно уже мечтает сходить по-большому. Да и по-маленькому тоже.

Зря он выпросил у мамы бургер, картошку и большую колу. Зря.

Прошло ещё полчаса, которые мальчик провёл, бездумно таращась на тёмную улицу, когда он окончательно понял – никто за ним не придёт.

Фима пытался выжать из себя слёзы, но его глаза оставались круглыми и сухими – они всё глядели и глядели из машины, пока до него не дошло, что за всё это время по улице не прошло ни одного пешехода. Ни одного.

А другие машины? Не было никаких машин. С самого утра он не слышал привычного шума моторов за окном. Просто не обратил на это внимание, потому что играл.

Играл. Играл. Играл.

Теперь волосы встали у него дыбом не только на руках, но и на голове.

Что он ещё помнит, в перерывах между игрой. Фима буквально ощутил как двигаются извилины в его черепе.

Бабушка долго будила маму с утра, а та никак не могла подняться. Да и сама бабушка (она ещё совсем не выглядела старухой) перестала выходить на пробежки, делать гимнастику и главное звать Фиму к ней присоединиться. Что ещё было не так? Учительница математики всё время путала слова, и учительница биологии тоже. Лёшка Макаров даже вёл на полях счёт их запинок и оговорок. Выиграла математичка.

Лёшка Макаров – козёл. Но хорошо разбирается в компьютерных играх. Вот они и спелись.

Лёшка сказал, что его дедушка спит уже вторые сутки и не просыпается. Фима ему не поверил.

Что ещё? Ребята в классе перестали носиться по коридорам и рекреациям, а если кто-то и бежал, дежурные учителя их не останавливали. Фиму это не особенно волновало, потому что у них было местечко под лестницей, где они проводили перемены и рублились в Доту.

Фима нежно коснулся ручки на дверце. Может, если он потянет за неё медленно и плавно, то выберется из машины? Нет, не работает.

Он заперт! Мама нажала на кнопку пульта, когда уходила, и двери закрылись. А ведь она звала его с собой, но он заартачился. Фиме было лень вылезать из машины, отстёгивать ремень – он и сейчас всё ещё оставался пристёгнутым.

Мальчик нащупал кнопку на замке и ремень со свистом свернулся. Фима попробовал раскатать опель – не вполне ясно зачем, и машина чуть поддалась. Стёкла! Нужно открыть стёкла и вылезти через окно! Он начал нажимать на кнопки в дверях, но окна в опеле поднимались и опускались автоматически.

Отчаявшись, мальчик начал нажимать на все кнопки подряд. Но передняя панель оставалась мёртвой. Внизу живота подкатил спазм. Фима закусил губу, сжал кулаки. Нет! Он не обкакается!

Он представил, как мама будет ругаться на него, если он сделает это прямо в машине. Как в тот раз, когда он случайно описал простыни во сне. Нет, он будет держаться. Если только...

Если только мама вообще придёт. Он снова набрал её номер. Позвонил бабушке. Ничего.

Багажник! Можно вылезти через багажник! Фима вспомнил, что мама как-то опускала спинки кресел, чтобы перевезти карнизы, и он видел лежащий там огнетушитель, тряпки и другой хлам.

Целых десять минут Фима разбирался с тем, как откидываются кресла, пока его пальцы не нащупали крохотный рычаг фиксации. Мальчик не любил работать руками – ни лепка, ни рисование, ни уборка, ни мытьё посуды, ни уроки труда не входили в число его любимых занятий. Он всячески их избегал. Вот и теперь утомился, только оттого, что пытался откинуть сиденье. Наконец, рычаг удалось подцепить ногтями, и спинка легко наклонилась. Наполовину просунувшись в проём, он начал ощупывать стенки багажника. Пахло машинным маслом, стеклоомывателем со вкусом жвачки и пылью. Ногти заскребли по металлу, Фима попробовал толкнуть крышку, но ничего не вышло.

«Как в гробу».

Эта мысль так напугала его, что он пополз назад, как червяк, гусеница или моллюск, нелепо изгибая тело и выпячивая зад. Теперь и в машине стало совсем темно. Фима отыскал свой телефон, подул на замерзшие пальцы и снова набрал номер матери. Долгие гудки и молчание.

Смартфон тренькнул, и на экране появилось сообщение: «низкий заряд батареи, меньше 15%». Фима вскрикнул, отшвырнул гаджет и забился в истерике. Он плакал, бил себя по щекам и раскачивался, яростно воя. Бабушка называла это «включать дурку». Такое случа-

лось с Фимой, когда ему запрещали ещё немного поиграть в компьютер или не давали третье пирожное.

Когда приступ закончился, и у него заболело горло, мальчик подумал, что если он достанет смартфон из-под сиденья и ещё немного поиграет, всего пять минут, то ведь от этого никому не станет плохо?

Он уже полез под водительское кресло, когда услышал чёткий, лишённый интонаций голос:

– Иди ко мне.

Сложно было сказать принадлежит ли этот голос юноше или девушке, мужчине или женщине, непонятно было, откуда он звучит.

Фима решил, что из смартфона – откуда же ещё? Ему пока не очень-то хотелось признавать, что этот голос раздался внутри его черепной коробки.

Он лёг животом на водительское сиденье и согнулся, на что его кишечник ответил угрожающими звуками. На резиновом коврикe смартфона не оказалось.

– Изучай, – велел голос, и мальчик вздрогнул, когда он снова прозвучал у него в голове. – Изучай меня.

Фима подумал, а не машина ли с ним говорит? И тут же увидел рычаг под креслом. На нём был нарисован автомобиль с поднятой крышкой багажника. Нет, с ним не машина говорила, а кто-то желавший его освобождения, кто-то помогающий ему. Может Ангел-Хранитель, хотя он в него не особенно верил. Ему ведь уже исполнилось двенадцать. Или приведение – вот это вероятнее.

– А может я просто слетел с катушек, – повторил Фима вслух любимую бабушкину фразу.

Прежде чем нажимать на рычаг, он решил достать из-под сиденья смартфон.

– Иди ко мне, – произнёс голос.

– Да отвали ты, – пробормотал Фима и нащупал ладошкой какой-то стальной рифлёный предмет. Он вытащил руку и впервые за день улыбнулся. Это был старый перочинный ножик, который раньше лежал на панели, рядом с коробкой передач, а потом провалился в чёрную дыру именуемую «подсиденье». Когда мама разрешала, Фима любил с ним играть, доставать поочерёдно ножницы, отвёртку, штопор и лезвие.

Мальчик снова согнулся, кряхтя и попукивая, достал упавший смартфон. Теперь у него был нож, рация и фонарик. Всё, с чем не страшно выходить в тёмный незнакомый мир за бортом. Игра начинается. Фима дёрнул за рычаг открывающий багажник.

На улице дул пронизывающий ветер, и мальчик подумал: а не вернуться ли ему обратно? Однако, позывы в животе требовали немедленных мер.

Ни людей ни машин на улице по-прежнему видно не было. Фима заметил подземный переход и побежал к нему.

Всё что происходило с ним потом, мальчик поклялся не рассказывать никому. Особенно Лёшке Макарову, он бы точно смеялся над ним до конца учебного года! Стыдно, жутко, что это случилось с ним прямо посреди города, как с каким-то малышом, который ходит в подгузнике. А ведь ему уже двенадцать!

Фима застегнул джинсы и побрёл вон из подземного перехода, в котором из-за него теперь плохо пахло.

Он подумал, что ещё не так уж поздно, просто зимой рано темнеет и фонари не горят. Вот и всё.

Когда он поднялся по лестнице, перед ним выросла каменная стена зоопарка.

Внезапная мысль озарила его лицо улыбкой. Может быть, мама просто пошла купить билеты и застряла в очереди? Ну, конечно! Ведь у входа в зоопарк всегда такие длинные очереди.

Он так сильно поверил в эту версию, что побежал к входу с башенкой, подпрыгивая, и сотрясаясь от смеха всем телом. У ступенек он остановился, растерянно моргнул – у входа в зоопарк не только не было очереди, но и вообще не было никого, даже охранника.

Значит так... Мама задержалась у яриста. Потом пошла в зоопарк – купить билеты и заблудилась. Просто забыла, где припаркована их машина. Такое ведь с ней уже бывало, правда?

Ты один. Ты всегда будешь один.

Твой отец ушёл от тебя. Твоя мать ушла от тебя. Твоя бабушка слишком стара.

– Замокни! Я сказал замолкни!

– Иди ко мне.

– Кто ты? Чего тебе от меня надо?

– Приходи, поиграй со мной.

– Отстань от меня, понятно?! Пошёл вон из моей головы!

Фима огляделся и понял, что разговаривает сам с собой посреди пустой улицы. Хорошо, его никто не видел.

Он поплёлся к ближайшей кассе, загребая ногами, заглянул в крохотное окошко. Пусто. В другое – в кресле, в полумраке сидела сгорбленная фигура. На её лицо падала тень. Женщина не двигалась, закутанная то ли в плед, то ли в старушечью шаль.

Фима постучал в стекло.

– Эй! Вы там спите? Вы мне не подскажете где все? Вы...

Фигура в пледе не шевельнулась, не подняла головы.

Мальчик поёжился. Ветер беспощадно дул в лицо проникал под одежду. У Фимы полилось из носа, он утёрся. Так с ним всегда бывало – стоит чуть-чуть замёрзнуть и на тебе – поток соплей.

– Где тут может жить ярист? – спросил он себя вслух. Перед ним высились одинаковые дома с магазинчиками и кафе на первых этажах, купол станции метро. Молчал пустой перекрёсток.

– Э-э-й! Где здесь работает ярист? – заорал мальчик в тишину. – Хоть кто-нибудь знает?

Заскрипел на ветру дорожный знак. Ветер прокатил по тротуару банку из-под энергетика.

– Уснули вы все что ли! Эй вы! Вы все! Сволочи! Уроды! Пожар! Пожа-а-ар!

Фима зажмурился, и приготовился к тому, что окна ближайших окон распахнутся и ему ответят. Как бы он хотел, чтобы ему ответили, накричали, пообещали вызвать полицию. Он даже был бы рад, если б на него выплеснули помой. Но дом молчал. Кое-где горел свет, но там всё равно что никого не было.

«Странно» – подумал Фима. – «В некоторых окнах горят лампы, а фонари на улице отключены».

Впрочем, он слишком замёрз, чтобы думать о фонарях.

Возможно, мама пошла в зоопарк без него?

Мысль была глупая, детская, наивная, но Фима зацепился за неё, как тонущий хватается за борт лодки.

Мальчик перелез через турникет (на всякий случай оглядываясь: не появится ли откуда-нибудь охранник?) и побрёл по аллее вдоль пруда. Когда-то летом, они видели здесь зелёных черепах и фламинго, чистящих розовые перья. В воздухе пахло сахарной ватой и кукурузой.

Теперь, ничего кроме запаха шерсти и помёта Фима не чувствовал.

Он прошёл ещё немного и ветер принёс ужасную вонь. Фима поморщился и зажал нос – он ощущал такой запах только однажды, когда на даче рядом с дорогой умерла в кустах соседская собака. Мальчик приблизился к одной из клеток и различил в темноте что-то тёмное, шерстистое, лежащее на полу. Почти невозможно было различить, кто именно там лежит.

Из противоположного угла клетки раздался утробный рык. Фима не смея дышать медленно попятился. Хотя его и отделяли от неизвестного зверя прутья решётки, мальчик побежал.

Теперь ему мерещилось, что со всех сторон на него глядят голодные глаза хищников. Белая пена падает с их морд, когти нетерпеливо скребут дощатый пол. Вкусный, нежный мальчик!

Дыхание Фимы быстро сбилось, так как бегал он редко. Его пухлая ладошка скользнула в карман куртки, нащупала перочинный ножик и сжала в кулак.

Если в зоопарке умер зверь, и никто не убрал его, то сколько времени на самом деле провёл Фима в машине? Или нет, лучше спросить так: если люди перестали следить за животными, не выходят из квартир и не открывают окон на крик, если на улицах не зажигают фонари и все пешеходы с машинами куда-то исчезли – что всё это значит? И почему Фима вовремя этого не заметил?

– Иди за мной, – прошептал голос.

– Куда за тобой? – захныкал Фима. Он уже готов был идти куда угодно, только бы весь этот кошмар закончился.

Но голос ничего не ответил, как будто говорил сам с собой.

Фима пошёл дальше по дорожке вдоль пруда, пока не заметил свет в высоком выбеленном здании у самой стены зоопарка. Свет не был золотистым, но фиолетовым, как от специальной лампочки, вроде той, что использовала его бабушка, чтобы выращивать рассаду на подоконнике.

– Сюда, – прошептал голос.

Мальчик сглотнул. Голос в его голове не звучал зловеще или пугающе, он и не звучал ласково, по-человечески. Отсутствие правильных интонаций, странное растягивание гласных, делали говорящего похожим на заику или идиота.

«Или ребёнка, который только ещё учится говорить» – подумал Фима. Да, хотя голос принадлежал скорее взрослому, говорить так мог лишь тот, кто совсем недавно освоил человеческую речь.

Ноги понесли его к приоткрытой двери квадратной башни, возвышающейся над прочими строениями, клетками и вольерами.

На табличке у входа Фима прочёл:

Южноафриканский жираф (*G. c. giraffae*)

Млекопитающее из отряда парнокопытные.

Является самым высоким наземным животным на планете.

Мальчик вспомнил, что бывал здесь с мамой летом и даже глазел на жирафа, через толстое стекло. К самому потолку зверю привязали ведро с листьями и жираф жевал их медленно и важно, шуря от удовольствия глаза.

Фима вошёл в башню, и сразу ощутил, как там сухо и тепло. Он ожидал, что сейчас увидит жирафа сидящего на земле, подогнувшего под себя длинные ноги, увидит, как этот огромный зверь открывает сонные глаза с длинными пушистыми ресницами и смотрит на гостя, но огромный вольер был пуст.

Только откуда-то сверху просачивалось это тепло и фиолетовый свет и, музыка. Только сейчас Фима различил странную переливающуюся мелодию, похожую на скрежет и звон весенних льдинок на реке.

Иди за мной.

Он шагнул к двери с надписью «Только для зрителей зоопарка», нажал на ручку и легко вошёл внутрь застеклённого вольера. Поднял голову и вскрикнул...

Над выбеленным потолком застыл переливающийся лиловый пузырь. Он был небольшим размером с баскетбольный мяч, но всё время менял форму и двигался, поблёскивая влажной мембраной. Изнутри пузырь светился, и его лучи теперь направились прямо в лицо мальчика.

Плавно и грациозно Нечто спустилось вниз и застыло напротив Фимы. В глазах парнишки заплясали лиловые огоньки.

– Играй. Откажись. Мать. Люди. Со мной, – произнёс в его мозгу голос бессвязную речь.

Фима не особенно вдумывался в слова. Ничего красивей он в своей жизни не видел.

– Коснись. Играй. Мать. Не надо. Отец. Не надо. Со мной. Сила. Голод. Других, – продолжал перечислять голос.

Фима примерно начал понимать, о чём говорит это существо.

– Они все меня бросили, – пожаловался он. – Даже ты это понял? Ты инопланетяшка? Да?

Мальчик ощутил непреодолимое желание коснуться пузыря. Но какая-то часть его мозга ещё сопротивлялась, та, наверное, что была его бабушкой, мамой, и школьной учительницей. Она вопила, она кричала ему: не трогай! Ты можешь потерять руку! Ты можешь потерять всё.

– Можно, – сказал голос. – Можно всё.

– Вот вам, – прошептал Фима и протянул руку.

В лиловом взрыве потонуло всё. Исчезли стены вольера и потолок. Закрутились в бешеном танце звёзды.

Нечто было огромным, оно могло окутать всю землю. Лиловый пузырёк – лишь крохотная часть того гиганта, который говорил с Фимой. Всесильный. Могущественный. Он хотел поделиться с мальчиком своей мощью. Он был так щедр, что слабый разум Фимы не выдержал и угас...

Голодный

Что-то долго кололо щёку и шею, дуло холодом в живот. Фима одёргивал кофту в полусне, но сквозняк всё равно донимал его.

Мальчик открыл глаза. Выбрался из кучи несвежей соломы. Утренний свет заливал высокий вольер, в котором он, неожиданно для себя переночевал. Высокие ворота, через которые жирафа выпускали на улицу, оставались приоткрытыми. Лиловый пузырь, который висел над потолком, испарился.

С ним исчезли тепло и свет. Вольер выхолодило. Фима поднялся, чувствуя, как окоченели руки и ноги, попробовал ими подвигать и сморщился от боли.

Неужели то, что он видел прошлым вечером правда? Он ведь это не выдумал?

Фима не был так уверен.

Мама! Она, наверное, ищет его повсюду! Скорее, нужно бежать к машине, нужно сказать ей, что с ним всё в порядке. А может она не дождалась его и уехала? Как же глупо было залечь тут спать, посреди вольера!

Фима выскочил на улицу, через большие ворота и оказался внутри наружного загона, ограждённого забором. На песке остались отпечатки копыт жирафа, но сам зверь таинственным образом исчез. Мальчик огляделся и заметил сломанную у самой стены ограду, по ней словно прошлись катком – прутья искорёжило, стальная сетка разорвалась.

Он осторожно перелез через неё, и снова оказался на дорожке, тянущейся вдоль пруда.

При свете дня, зоопарк не выглядел так зловеще, как вчера. Но что-то в нём всё ещё тревожило Фиму. Тишина – вот что.

Ведь если даже ты приходишь сюда зимой, обязательно запоёт какая-нибудь птица или зарычит зверь.

Парковые дорожки тоже пустовали.

Наверное, ещё рано и зоопарк не открылся. Фима нахмурился. Его никто не обнаружил в открытом вольере жирафа. Зоопарк пуст, в нём никого из служащих. Звери предоставлены сами себе!

Мальчик прошёл вдоль клеток. Большинство из них пустовали. Скорее всего животные спали в тёплых отсеках. Зимой – это вполне нормально: многие млекопитающие ведь впадают в спячку. Но всё же пустовавших клеток было чересчур много, а в некоторых он видел свернувшихся клубком животных. Они выглядели почти как мертвые, но всё же их шерсть на спине равномерно двигалась – они редко, но дышали.

«Барсук, бурый мишка, сурок впадают в спячку» – вспоминал Фима кое-как кое-какие уроки из начальной и средней школы. – «Но почему спит волк, лось и заяц? Почему спит амурский тигр?».

Его внимание привлёк знакомый едкий запах. Но Фима слишком поздно сообразил, что вновь оказался возле клетки с каким-то мёртвым животным. Пятнистая рыжая туша, с разорванными внутренностями, лежала посередине клетки и выглядела жутко. Но ещё страшнее выглядела морда зверя, глазающего на него через прутья. Так вот, кто на него вчера рычал!

– Гиена, – пробормотал мальчик, переводя взгляд с чёрных глаз хищника на труп на полу. – Съел своего соседа?

Зверь потянул чёрным носом, почесал задней лапой шерстистую холку и широко зевнул, демонстрируя жёлтые острые клыки.

– И почему же ты не уснул? – спросил Фима, ему хотелось протянуть руку и погладить гиену. Она не выглядела такой уж страшной при свете дня. Но ему хватило ума этого не делать.

– Поешь, – чётко и монотонно произнёс голос в его голове.

– О нет, опять ты?! – вскрикнул мальчик, и гиена нервно мотнула головой.

– Живое. Ешь.

– Что мне есть? Падаль? Да что тебе вообще от меня...

Фима осёкся и не договорил, потому что мир в его глазах сделался лиловым. Теперь перед ним стоял не зверь, а оболочка, через которую просвечивало сердце с ветвистым деревом вен. Сердце животного забилося чаще, прямо у мальчика на глазах и энергия живая, чистая энергия побежала по сосудам.

Жажда, голод, неизвестно откуда взявшиеся, застали Фиму врасплох. Его рот наполнился слюной, глаза выпучились, ноздри расширились.

– Иди сюда, пёсик, – проворковал мальчик, не особенно задумываясь, что учёные относят гиен к кошкообразным.

– Хорошо, – сказал голос в его голове. – Хорошо. Человек. Правильно. Человек. Замани. Поиграй.

– Иди сюда, – повторил Фима, не веря в то, что протягивает через прутья свою пухлую руку. – Давай-давай, собачка.

Гиена наострила уши, шагнула вперёд.

Дети приходили к её клетке не в первый раз. Обычно они шумели, кричали, тыкали пальцем. Но в последнее время все люди куда-то исчезли и наступил голод. И вот, этот странный мальчик, появился неизвестно откуда, зовёт её и тянет в клетку свою розовую лапу.

Гиена сделала ещё шаг.

Запах его тела заинтересовал её. Кто он? Добыча? Детёныш?

– Ну, давай, – произнёс Фима не своим голосом, давась слюной.

Зверь осторожно понюхал кончики пальцев. Мальчик, всё ещё не веря в то, что это происходит с ним, вцепился в лохматую морду.

Гиена завопила. Чудесная живящая энергия хлынула через ладонь в руку, ударила в голову. В носу защекотало, как от пузырьков колы. Фиме показалось, что он всесилен, что он может разогнуть руками железные прутья решётки.

– Пей. Пей. Пей, – повторял в голове монотонный голос.

Гиена взвизгнула и вырвалась, оставляя в ладони Фимы клочок шерсти.

Она попятилась, поджала хвост, припала на задние лапы, то ли от страха, то ли от внезапно навалившегося усилия. Её язык высунулся из пасти, гиена задышала часто, тяжело.

Фима стоял с протянутой рукой, ошеломлённый, наполненный распирающей его силой. Он даже попробовал согнуть прут решётки и тот жалобно заскрипел. Гиена угрожающе зарычала.

– Хватит, – сказал голос. – Мне. Поделись. Мне.

Мальчик запрокинул голову и открыл рот. С ужасом гиена смотрела, как из его горла вырывается целый рой голосов, какофония звуков. Затем глаза человеческого детёныша, горящие лиловым светом, погасли, он опустил голову и обмяк.

Фима очнулся от громкого хохота. Удивлённо поднял голову и увидел зажавшегося в угол хищника. Гиена раскрывала пасть и кричала. Она еле стояла на ногах и её глаза подёрнулись пеленой. Но мальчику показалось, что она издевается над ним.

– Что это было? – спросил он Голос. – Что ты со мной сделал? И что... что с ней?

– Мы. Играли. Я. Ты. Весело. Я с тобой. Немного.

– Кто ты?

Мальчик огляделся, надеясь увидеть за ближайшим поворотом лиловый пузырь, но никого кроме него и гиены в округе не было.

Фима поднялся на ноги. Чувствовал он себя прекрасно. И вместе с тем паршиво, как будто совершил какую-то подлость.

«Мама. Нужно найти маму».

Он быстро пошёл по дорожке, всё ещё слыша, как в затылок ему бьёт истерический жуткий смех.

Следующие несколько часов стали для Фимы самыми ужасными в его недолгой жизни.

Сначала он вернулся к машине, в которой оставил открытым багажник. По всему выходило, что никто сюда не возвращался. Мама провела где-то целую ночь, и если бы он не выбрался, то, наверное, замёрз внутри или умер от голода. Может быть, она соврала, что пошла к яристу?

А может он и вправду был ей не нужен? Ведь она частенько говорила ему «что ты прицепился как клещ?». Клеща вряд ли можно назвать полезным животным...

Всё же мальчик обошёл все ближайшие подъезды. Большинство из них были закрыты на кодовые замки. В других стояла такая темень, что Фима побоялся входить внутрь, да и не хотелось ему обходить все эти тёмные здания. Неизвестно кто мог притаиться в них. А судя по всем играм, в которые играл Фима, там могли прятаться только жуткие создания.

Бродя по опустевшему району, он скоро почувствовал голод и зашёл в ближайший супермаркет. Он ни нашёл там, ни одного посетителя, ни одного продавца.

Фима долго играл в гляделки с камерой видеонаблюдения, но так и не решился ничего взять с полки.

Ещё через десять минут он набрёл на магазинчик, такой засаленный и тесный, что в нём все продукты казались просроченными.

– Эй, – позвал Фима, подходя к прилавку, оклеенному тысячей наклеек от жвачки. – Здесь кто-нибудь есть?

Никого.

Фима зашёл за прилавок и тут же отшатнулся – сразу позади стойки прямо на полу спал смуглый невысокий мужчина со сросшимися на переносице чёрными бровями, скорее всего хозяин магазинчика.

– Вы живой? – дал мальчик петуха. Как же глупо, что он спрашивает об этом.

Мужчина на полу не шевелился. Фима почесал себе шею, живот, локти – всё его тело вдруг начало зудеть. Ему нужно было нащупать у незнакомца пульс или вроде того? Но он сомневался, что сумеет это сделать.

Вместо этого его руки начали искать по карманам смартфон. Сейчас он выйдет отсюда и снова позвонит маме или бабушке. А ещё – немного поиграет – это его всегда успокаивало.

Фима достал смартфон, включил. Прямо на его глазах экран погас, показывая минимальный заряд батареи.

Мальчик сделал ещё шаг вперёд и заметил, что хозяин магазина медленно, но дышит.

Он уснул, как уснула та кассирша у входа в зоопарк. Неужели все они уснули?

Тут его впервые охватила паника, он заметался по магазину, скидывая на пол товары, сам не зная – почему это делает. Просто, наверное, чтобы проверить, что всё это реально, что он сам реален. На пол полетели консервы, бутылки, пакеты с чипсами.

Фима припал спиной к холодильнику, сполз вниз на пятую точку, схватился за волосы и заскулил.

Он сидел на полу и раскачивался вперёд-назад, потом с размаху начал бить себя по щекам, пока они не загорелись огнём и только тогда успокоился.

Весь мир погрузился в сон. Остался он и та гиена в зоопарке. Может быть кто-то ещё. Может его мама или бабушка?

– Нет, они тоже уснули, – произнёс Фима вслух. – Я остался один.

Как в фильме «Я – легенда» с Уилл Смитом или как в тех играх про апокалипсис, в которые любил играть Лёшка Макаров. Фима эти игры не любил, при всей его любви к играм. Он всегда боялся остаться один. Боялся, что вокруг не останется никого кроме заражённых зомби или мутантов.

«Игры, отличаются от реального боя» – сказал ему как-то старший брат Лёшки, отслуживший в армии, когда Фима начал хвастаться своими познаниями в оружии и тактике боя. Мальчик начал спорить, но только теперь понял, что имел в виду Лёшкин брат. Это правда – он не имел ни малейшего представления, что ему делать в этих изменившихся правилах игры. Нет, не игры – реальной жизни, в которой у него нет возможности поставить на паузу или начать заново.

Фима дотянулся до пакета с чипсами, открыл его и отправил пригоршню в рот. Он пожевал их немного, без удовольствия, и проглотил. Странно – ему совсем не хотелось есть, хотя в последний раз он обедал почти сутки назад. Он даже не станет запивать чипсы газировкой, которую так любит. Может быть, впервые за всю жизнь ему не хочется колы!

Мальчик поднялся и обеспокоенно ощупал свой живот. Ему вспомнилась та гиена в зоопарке и то, как он тянул из неё энергию. Страшная мысль пришла ему в голову: может быть монстр в этом городе он сам и у него скоро сгниёт мозг, вывалится язык и отрастут когти?

Фима выбежал на улицу и пошёл, куда глаза глядят. Скоро он заблудился. Ноги, не привыкшие к долгим прогулкам, устали. Иногда, в окнах, в витринах магазинов или в припаркованных машинах, он видел одинокие неподвижные фигуры спящих, а может быть умерших людей. И тогда его стопы, с продольным и поперечным плоскостопием, несли его дальше, вон из этого огромного, бесконечного города. Но самое ужасное, что он теперь издали отличал спящих и умерших, и к первым его тянуло.

На какой-то старой московской улочке с невысокими домами Фима остановился, услышав странный цокот и хруст.

Больше всего это напоминало шаги какого-то огромного зверя с копытами или динозавра. Эти звуки снова вызвали у Фимы зуд во всём теле и мальчик, вместо того, чтобы спрятаться, застыл и начал почёсывать себя то здесь, то там, как хомяк, который заметил рядом со своей клеткой кошку.

В следующую минуту, из-за поворота на перекрёсток вышло нечто, заставившее Фиму забыть и о конце света и об одиночестве, и о страхе. Он заскулил и недоверчиво помотал головой.

Длинноногий жираф шёл по опустевшему городу. Его копыта разъезжались на зазеленевшем тротуаре, из ноздрей валил пар. Жираф вытягивал шею, пытаясь разглядеть что-то за крышами домов. Его печальные чёрные глаза, с пушистыми ресницами, искали в каменных джунглях хотя бы листик акации.

Зверь остановился возле одного из окон с облезшей рамой, заглянул внутрь. На подоконнике ещё зеленел фикус. Полуметровый язык жирафа прошёлся по запотевшему стеклу, оставив влажный след. Мускулистая шея изогнулась, как мокрое полотенце. Кувалдой ударил рогатый лоб. Стекло с треском лопнуло. Осколки посыпались на тротуар, звеня и сверкая на солнце. Жираф, умудряясь не порезаться об острые грани, выдернул цветок, сжевал, опрокинул горшок с землёй. Под его двупальными копытами похрустывало разбитое стекло.

Зверь жевал медленно, обстоятельно, затем шагнул к следующему окну.

Фима всё ещё не отрывал восторженных глаз от жирафа, но его восхищение быстро сменилось чужим и незнакомым чувством – жадной охотника. Рот Фимы наполнился слюной, когда его глаза увидели огромный лиловый силуэт – источник необыкновенной силы и энергии.

Даже когда он смотрел на зверя, ему казалось, он выпитывает эту мощь, а если удастся подойти и коснуться...

Мальчик пересёк проезжую часть, под ногой хрустнула льдинка. Жираф наострил уши, лениво оглянулся на маленького человека, приближающегося к нему с другой стороны улицы. Его красивые умные глаза закрылись и снова распахнулись, хвост с кистью нервно ударил по пятнистому боку.

– Поиграй с ним, – снова прозвучал в голове голос. Оказывается он был всё это рядом, просто молчал. – Возьми немного. Мне. Себе.

И Фима понял, что хочет взять. Да-да, это было чудесно ещё там, у клетки с гиеной: наполняться чужой силой, чувствовать что тебе никто не страшен. Что ты сам на вершине пирамиды питания, и всё в этом мире служит тебе, развлекает тебя.

– Вкусно, – пробормотал Фима. – Очень вкусно.

Он случайно бросил взгляд на своё отражение в окне и сглотнул – бледное приведенье с горящими глазами и лиловой сеткой проступивших вен. Это он. Неужели он?

Мальчик облизнулся и приготовился к прыжку. Откуда, откуда в нём такая сила? Ведь если он захочет, он приземлится прямо на спину жирафа, вцепится ему в гриву и начнёт пить!

– Давай! – также монотонно отдал команду голос в голове.

Фима согнул ноги, приготовился к прыжку, но в этот момент жираф испуганно дёрнулся и шагнул в сторону. Всего нескольких широких шагов и он уже оказался в безопасности на перекрёстке, передние ноги разъехались на льду, но зверь устоял и перешёл на бег.

Мальчик глядел ему вслед – фиолетовый огонёк в глазах Фимы медленно погас. Возможно, он видел то, что не видел больше никто из людей: жирафа галопирующего по зимнему городу навстречу собственной смерти.

Всё что происходило с Фимой после, напоминало странный сон, забвение разума.

Вереница улиц сменялась новыми и новыми перекрёстками, дома вырастали до небес и таяли, опустевшие площади и скверы, пролетали мимо, а иной раз казались нескончаемыми.

Мальчик обнаружил в себе нечеловеческую выносливость. Он шёл весь день, не уставая, иногда переходил на бег или совершал сумасшедшие прыжки до второго этажа, приземляясь точно на ноги. Его разум отказывался принимать это за правду, и тогда Фима полностью свыкся с тем, что он в игре. Это было гораздо проще, чем пытаться осознать, что миру конец, а в его голове поселилось чужеродное Нечто, которое звало к себе и превращало его из слабого обрюзгшего подростка в новое непобедимое существо.

Городской ландшафт начал сменяться промышленными постройками, заброшенными гаражами, станциями техобслуживания и шиномонтажа.

Глаза Фимы видели многокилометровые пробки и мерзость запустения. Видел спящих возле будок собак на цепи и птиц валяющихся возле телефонных столбов.

Фима не знал точно, длится ли всё ещё тот день, когда он проснулся в зоопарке, или давно начался другой? Его ноги шли и шли, когда он больше не мог, то ложился прямо на землю и лежал с закрытыми глазами. Спал ли он, или не спал – мальчик тоже не мог сказать. У него обозначилась цель, ориентир – крохотная лиловая капелька перед глазами, напоминавшая соринку, которая указывала путь.

Нужно было всего лишь идти и слушать голос, который уже привычно повторял: «Иди ко мне. Иди. Мы поиграем. Ещё».

Неизвестно когда, неизвестно в каком месте Фима вышел на пустую трассу и побрёл по обочине.

Серые небеса не давали никакого ответа – утро ли сейчас или ранний вечер. Одно Фима мог знать точно: он понемногу забывал лицо мамы. Голос бабушки и отца, он забыл ещё раньше. Но с последним воспоминанием ему всё ещё не хотелось расставаться. Портрет матери становился нечётким, размыватым, как картинка в пикселах, не полностью загрузившаяся из-за плохого интернета.

Зато, Фима не забыл ни одной компьютерной игры, в которую играл. Помнил все уровни, все локации, все виды оружия и каждого своего врага.

Воспоминания о них отвлекали его от холода и утомления.

– Остановись, – повелел голос.

Нет. Ничего он не велел, просто произнёс это тем же нечеловеческим, однообразным тоном.

Фима встал. Прислушался. Раньше, он никогда бы не расслышал такой далёкий звук – где-то вдали тарахтел мотор, даже, два мотора.

Мальчик повернулся, поднял руку и выставил кверху большой палец.

Через минуту из-за поворота выехало два автомобиля: один – огромных размеров джип, другой – крохотная розовая малолитражка. Их карикатурный вид мог бы рассмешить Фиму, если бы он не разучился смеяться.

Попутчик

Никанор Степанович широко зевнул и потёр ладонью затылок, чтобы не уснуть за рулём. Мелкая снежная крупа летела в лобовое стекло. По краям дороги мелькали убелённые ели. Трасса не петляла и почти не поворачивала. Её однообразная прямота усыпляла.

– Может всё-таки сменить вас? – спросила Майя с заднего сиденья. Она сидела у окна и явно скучала – на плече спала Лиза. Вновь обретя маму, она не отходила от неё ни на минуту.

– Если я на что и гожусь в этом нашем предприятии, дочка, – отвечал Саблин. – Так только баранку крутить.

– Не думаю, что вы нужны нам только для этого, – раздался скрипучий голос, и в проёме между сиденьями появились сначала острые усы, а затем вся физиономия Логарифма. – По мнению, нашего прорицателя-астронома, каждый сыграет в этом спектакле свою роль. Не приbedняйтесь.

– Молодой человек, – покачал головой Саблин. – Доживите до моего возраста, и вы обнаружите, что в спектаклях вы можете в лучшем случае быть реквизитом.

– Хватит вам прикрываться своим возрастом. Устали, так дайте себя сменить. Не нужна нам пятилетка за два года.

Никанор Степанович скрипнул зубами и крепче вцепился в руль.

– Наглецы вроде тебя не умеют ценить чужую помощь.

Логарифм хищно улыбнулся.

– А из-за таких как вы человечество не успело вовремя остановиться и теперь лежит в отключке!

– Из-за меня? – проревел Саблин.

– Ну, хватит, вы оба! – прошипела Майя. – Если девочка проснётся, дорога уж точно не покажется нам весёлой!

– Когда я был молодым... – угрожающе поднял палец Саблин, но договорить не смог. Его лицо вдруг вытянулось, глаза вытаращились на дорогу.

Логарифм метнулся к боковому окну. Всего на секунду он отчётливо увидел в снежной пелене фигуру мальчика, голосующего на обочине.

– Мать честная! – выдохнул Никанор. – Ребёнок на дороге! Вы видели?

– Жми на тормоз! – проревел в ответ доцент. – Жми, Саблин!

Старик резко затормозил. Джип проехал по инерции ещё метров шесть, прежде чем остановился. Сзади истошно посигналив и обогнув джип по дуге, вылетела небольшая машинка Бэллы.

Она резко распахнула дверцу и заорала:

– Совсем рехнулись?!

Логарифм и Майя переглянулись.

– Мы чуть не устроили аварию на пустой трассе, – сказала художница, закрывая глаза рукой. – Мы самые непутёвые спасители человечества!

Саблин уже стоял снаружи и размахивал руками, объясняясь с рассерженной Бэллой. Та раздувала ноздри и вертела головой.

Логарифм прыснул.

– Что тут смешного? – нахмурилась Майя.

– Просто удивительно, сколько раз можно было увидеть нечто подобное посреди большого города, – ухмыляясь, ответил он. – Нет, мы никогда не изменимся. Даже если люди выживут, мы снова и снова будем наступать на те же грабли.

Майя отстегнула ремень безопасности, осторожно уложила Лизу на сиденье.

– Между прочим, это ты велел ему затормозить! – заметила она.

Когда страсти поутихли, оказалось, что ни Бэлла, ни её пассажиры, никакого мальчика на обочине не видели.

После последнего ночлега в придорожной гостинице «Вдали от жён», по машинам распределились так...

В джипе ехали Никанор, Логарифм, Вешников, Кира и Майя с Лизой. В малолитражке Бэллы – Остап, Нелли и Тымнэвакат. Последний, как и Лиза крепко спал. Кира не захотела вылезать на холод. Все остальные выбрались на улицу и теперь напряжённо всматривались в снежную пелену.

– Чего мы ждём? – поинтересовалась Нелли. – Если был мальчик, идёмте заберём его.

– И правда, – кивнул Саблин. – Мальчонка видать ушёл далеко от дома. Продрог и оголодал.

– Ага, и ловит автостопом машины на пустой трассе, – Бэлла хмыкнула и причесала пригоршней свои разноцветные волосы. – Подумай хорошенько, дедуля: что он здесь забыл?

– Ясен пень, обычный мальчик в такой глуши бы не выжил, – поддержал Бэллу Логарифм. – А ну-ка милая, достань из своей кобуры ту прелестную вещицу, что мы держим на случай нападения Посредников.

– Но Галилей говорил, что мы не должны пользоваться оружием, – возразил Остап.

– Он говорил не пользоваться им при встрече с существом, засевшем на Эльбрусе. С Неглерией. А с её отмороженными слугами я не стану мило болтать.

– Смотрите! Идёт.

Вся группа напряжённо застыла, а из пелены показалась фигура неуклюжего подростка, по своему сложению, напоминавшего грушу.

– Есть ещё вариант, – шепнул Вешников, пятясь к машине. – Уедем и забудем о нём. По моему хорошая идея. Нет?

– В тебе ноль любопытства, Вешников, – ответил Логарифм. – Как вообще ты стал сомнологом?

Мальчик, похоже, разглядел группу и в растерянности остановился.

– День добрый! – шагнул навстречу Логарифм. – Я вижу вы заплутали, молодой человек. Отменили шестой урок? Или прогуливаете контрольную по математике?

Мальчик молчал. Только медленно поднёс руку и, кажется, начал грызть ноготь на большом пальце.

– Мы не настаиваем, – продолжил Логарифм. – Но раз уж вы неожиданно возникли посреди трассы, не хотите ли сказать о себе пару слов, или хотя бы назвать имя?

Подросток молчал.

– Дай я, – Бэлла чуть оттолкнула Логарифма плечом. Рука у неё оставалась под кожаной курткой, на рукояти револьвера.

– Послушай, котик, – ласково начала она. – Сейчас не самое лучшее время, чтобы стоять и молчать. Мы путешествуем по этому новому дивному миру давно, и нас молчание незнакомцев пугает. Скажи хоть пару слов, если ты не немой, конечно.

Мальчик вынул палец изо рта.

– Вы... – пискляво начал он. – Вы... Люди?

– Да он гений, – шепнул группе Логарифм.

Бэлла на него шикнула и снова повернулась к мальчику.

– Да мы люди, малыш.

– Я думал все люди сдохли, – ответил мальчик и зевнул.

Бэллы прокашлялась.

– Ну, во-первых, абрикосик, сдо... Умерли не все. Некоторые просто впали в такой долгий сон. Летаргию. Понимаешь? Во-вторых, мы почему-то живы и бодры. И ты, похоже, тоже. Не хочешь подойти чуть ближе? Мы рассмотрим тебя лучше.

Мальчик нерешительно шагнул вперёд. Шаг, остановка, ещё шаг. Логарифм и Майя, стоявшие рядом с Бэллой видели, что она крепче сжала рукоять револьвера, под курткой.

– А вы странная, – сказал мальчик. – Разноцветная.

Ему было лет двенадцать. Отсутствующий взгляд. Грязные спутанные волосы, мятая одёжка. Лёгкая, не по погоде, курточка. Мальчик не дрожал.

– Как тебя звать? – спросила Бэлла.

– Фима.

– Хорошо, котик. Я Бэлла, можешь называть меня так.

– Я не котик, – Фима равнодушно рассматривал остальную группу.

– Ты хочешь есть? – присоединилась к разговору Майя. – Может замёрз?

– А ты красивая, – сказал Фима невпопад. Он поймал на себе пристальный взгляд Логарифма и его лицо неприятно исказилось.

– Давно ты тут блуждаешь, малец? – спросил Никанор Степанович. – Где твои родители? Семья?

– Мама ушла к юристу. Бабушка спит. Папа в Иране, – отчеканил Фима.

– А ты? Ты помнишь, как здесь оказался?

Мальчик помотал головой. Взрослые переглянулись. Логарифм взял под руки Бэllu и Майю, поманил к себе Остапа и прошептал.

– Не вижу лиловых сосудов, бешено горящих глаз и прочих признаков Посредников. Но всё это странно и мальчик явно не в себе. Предлагаю с ним не связываться.

– О чём вы шепчитесь? – поинтересовался Фима.

Бэлла повернулась.

– Понимаешь, мы думаем взять тебя с собой. Но хотим сначала лучше тебя рассмотреть. Подойди, пожалуйста, поближе.

Мальчик остался стоять на месте.

– Я вас не знаю.

– Именно поэтому мы и просим тебя подойти, – скрипнул зубами Логарифм.

– А у вас есть смартфон? – вяло спросил Фима. – Я уже давно не играл. А свой потерял.

– У меня есть. Вот. Хочешь? – из толпы вышла Нелли и протянула давно отключенный и лишённый связи гаджет.

Парень резко попятился, едва увидел её. Вытаращился на Нелли, как будто увидел приведение. Девочка удивлённо застыла.

– Боже ты мой! – подняла изукрашенные брови Бэлла. – Да он боится девчонок, больше чем волков, холода и голодной смерти. Что решаем, отряд?

– Оставить его здесь мы не можем, – вздохнула Майя. – Нечего обсуждать.

– Согласен, – поддакнул Остап.

– Почему же не можем? – спросил Логарифм. Все бросили на него мрачные взгляды. Но Логарифм эти взгляды полностью проигнорировал. – Если наше чутьё нас подводит, давайте доверимся чутью собаки.

Он кивнул в сторону джипа, где встав на задние лапы, по стеклу водила лапами Клёпа.

Бэлла шагнула к машине и отворила дверцу.

Клёпа выскочила на улицу, весело мотая хвостом, и оббегая всех по кругу. Первым делом она занялась собачьими делами, окропив снег на обочине. Затем, ещё раз подбежала к каждому, понюхала, остановилась, глядя на мальчика, наострила уши. Но тут же вновь завильяла хвостом и, подойдя к нему вплотную, встала на задние короткие лапы, а передними упёрлась ему в ноги.

– А-а-а! – заныл Фима и в страхе отступил. – Уберите её от меня! Уберите!

Клёпа тем временем пыталась лизнуть его в подбородок.

– Кроме того, что у парня заячья душа, и он боится собак и девчонок, не вижу причин его тут оставлять, – заметила Бэлла. – И Клёпа, похоже, не имеет ничего против.

– Она и грабителя проникшего в дом залижет, – хмуро возразил Логарифм. – Вы что не слышали, что искусственный отбор прошли только добрые собачки?

– А вот тут я возражу, – перебил Саблин. – Клёпа чуяла нелюдей ещё издалека. И если что могла дать отпор.

– Ладно, – сдался доцент. – Прошу на борт, таинственный мальчик!

Фима недоверчиво оглядел взрослых и пошёл к крохотной машине Бэллы.

– А-а! – поднял палец Логарифм. – Прошу сюда, в наш танк.

Он открыл дверь джипа, как раз с тем местом, где сидела Кира. Рыжеволосая студентка тут же укуталась в шерстяное пальто.

Взрослые переглянулись.

– Но я здесь сидел... – начал Вешников.

– Здесь будет сидеть наш гость, – с нажимом проговорил Логарифм. – А ты посидишь на задних сиденьях, с собакой.

– Там тесно!

Логарифм наградил Вешникова угрюмым взглядом. Фима забрался на сиденье, за ним закрылась дверь.

– Не слишком ли много предостережений? – поинтересовался Остап.

– Осторожность не повредит, – Логарифм обошёл джип. – Хочу знать, что рядом с нашим странным мальчиком окажется та, кто умеет блокировать возможности Посредников.

Остап пожал плечами и пошёл к машине Бэллы.

Наконец все расселись по местам. И всё повторилось снова. Трасса. Убелённые ели. Снежная крупа.

Игра

Когда-то Нечто было сонным и ленивым.

Теперь, поев и отдохнув, поспав немного в защитной оболочке, оно наполнилось силой. Под ундулирующей мембраной, изгибающейся волнообразными складками разгорался свет.

Нечто размышляло.

Планета оказалась вкусной, но скудной. Нечто ещё ощущало голод. Высшие существа, населявшие эту землю, похоже, не имели не малейшего представления о гармоничном существовании. Они тратили энергию бесполезно и беспечно, а большинство из них истощило ресурсы собственных тел ещё до того, как Нечто явилось из глубин космоса и забрало жалкие остатки. От этого почти никто из них не сопротивлялся небесному гостю.

От этого они жили так кратко. Так слепо, не ведая, как умирают и рождаются звёзды.

Нечто это веселило. Оно жило и путешествовало только затем, чтобы себя развлекать.

Нечто размышляло. Оно любило размышлять во время отдыха, полёживая на огромной горе.

Низшие существа, преимущественно населявшие океаны и почву на этой планете, экономили энергию гораздо разумнее.

Но вот в чём загвоздка – при этом они были не разумны, и с ними не интересно было играть. Они подчинялись инстинктам.

Высшие же – обладали волей. Подавлять её – основа любимой игры Нечто.

В этой холодной и пустой вселенной не так-то легко найти интересную игру.

Нечто повезло.

Однако, что-то не давало насладиться процессом полностью. Что-то ограничивало его силы. И хотя всё подчинялось его плану: лиловые мчались навстречу белым, а белые навстречу лиловым – всё же Нечто чувствовало присутствие рядом кого-то могущественного и огромного, позволявшего ему играть.

Сначала Нечто решило, что это Прародительница, от которой он сумел оторваться ещё у созвездия Душистого Эллипса. Она не очень-то любила его игры. Но Прародительница была ещё далеко, а Нечто чувствовал, что кто-то иной защищает эту планету. Кто-то ещё древнее и опаснее Прародительницы.

Потому, Нечто не спешило убивать жителей планеты. Пока, оно их не убьёт. Но оно не откажет себе в удовольствии поиграть и с белыми, и с лиловыми.

Нечто оторвало от своей оболочки шарик слизи, заполненный энергией, и направил далеко на север. Нечто напилось, хоть и не полностью. Теперь, чтобы играть, оно может делиться.

Фигурки Посредников, собравшихся на лётном поле глядели в небо. Лиловый шар приближался, как небольшой дирижабль, или облако. Зависнув над ними, он неожиданно лопнул, источая яркие лучи.

Тела посредников корёжились и извивались в этих лучах. От них валил густой пар.

Когда они поднялись с мокрой земли, в них уже было мало человеческого. Большими прыжками, напоминая дикую саранчу, они пересекли лётное поле и покинули черту города.

Лиловые отправились на встречу с белыми. И что с того, что белые об этой встрече не подозревали?

Отец Ануфрий проснулся на мокрых простынях и застонал от боли.

Астроном, поднёс к его лицу керосиновую лампу и положил руку на лоб. У монаха был сильный жар. Он бредил. Но Галилей мог разобрать только два слова, которые повторялись и повторялись: «Они идут! Они идут!».

Бэлла вздрогнула и передёрнула плечами, сидя за рулём в душном салоне внедорожника.

Однообразно серая полоска дороги с сугробами по краям, и вдруг перед внутренним взором выплывает лицо: плешивый мужчинка с серебряной фиксой. Мерзостная улыбочка. Лиловые глаза.

Вот мужчинка отталкивается от земли всеми четырьмя конечностями и летит, летит на заснеженными соснами. А за ним его други, такие же лиловоглазые.

Бэлла тряхнула головой и морок исчез. Снова полоса дороги. Снежная крупа за окном сменилась мелким дождиком. Укрытые снегом ели – голыми берёзками.

– Спальчик? – пробормотала Бэлла. – Почему он? Почему сейчас?

Она облизала мгновенно пересохшие губы. Провела ладонями по лицу и сделал то, чего никак от себя не ожидала – помолилась.

«Господи, пускай это будет только глупый образ, бред уставшего мозга... Не говори мне, что Куницын выжил».

Гений

Всю жизнь Мише Куницыну давали прозвища, которых он не заслужил.

Рысый – так называли его ребята во дворе, после того как он надул пузырь от жвачки, лопнул его и волосы на голове склеились. Пришлось стричься налысо, да ещё и буква «Л» никак не выговаривалась, вот он и отвечал: «сами вы рысье».

Лет в десять, дядя отвёз его с парнями на картофельное поле собирать колорадских жуков. За каждого жука разрешалось нажать в уазике на клаксон. Миша собрал мало, штук пятнадцать, и расстроился. Пока его двоюродный брат справлял нужду, мальчик пересыпал часть жуков себе.

Его тошнило, когда он касался их лакированных панцирей, цепких лапок, жвал и особенно мягких крыльев, которые вылезали из-под полосатых пластин.

Когда жуков залили бензином и подожгли, Миша почувствовал приятную дрожь внизу живота. Это занятие так увлекло его, что он начал собирать всех насекомых в округе: кузнечиков, стрекоз, майский жуков в банку и устраивать им маленький геноцид. Миша думал, что жук-пожарник гореть не будет, но его гипотеза не подтвердилась.

За это занятие мальчика прозвали Хрущ. И придумал это прозвище не кто иной, как двоюродный брат Миши. Казалось бы за что?

Уходя подальше от обидчиков, Миша продолжал собирать насекомых в банки и поджигать их. Дядина канистра с бензином в гараже медленно пустела.

Отшельничество и новое увлечение привело к тому, что у соседей на дальнем конце улицы сгорел сарай и курятник. И хотя поджигателя так и не поймали, Куницын услышал, что у него есть ещё одно прозвище – Нерон Поганый.

Разве это справедливо? Ведь он всего лишь хотел избавить мир от уродливых тварей!

Прозвища прилипали к нему всю жизнь, как комары к росянке, как осы к варенью, как все эти ужасные насекомые, задыхающиеся в липкой массе и конвульсивно двигающие лапками.

Стоило ему в восьмом классе наступить на гвоздь в оторванной доске, как его тут же назвали Шлёп-нога. Пройдя ужасные метаморфозы полового созревания, Миша не получил ни высокого роста, ни мускулов, ни низкого голоса – только прыщи и новые клички: Чахлик, Щуплик, Хилый, Спальчик.

Развитие с «полным превращением» не превратило его в бабочку, даже в мотылька. Он остался гусеницей, изворотливой, жадной и непрестанно растущей, но не телесно, а умственно.

В старших классах, он научился исправлять оценки в дневнике так искусно, что одноклассники начали предлагать ему деньги из своих карманных на подобные услуги. Куницын идеально воспроизводил почерк и роспись учителя, ну или родителя, если того требовала ситуация. У него даже появилась супер-услуга – исправление оценок в журнале, за что он получал от одноклассников в оплату последние чудеса техники.

Куницын довольно быстро освоился и нашёл себе помощников – самых безбашенных парней и девчонок, которые за него выкрадывали журнал из учительской. За это они получали скромные откаты или бесплатные услуги, а сам Миша не подставлялся.

В середине одиннадцатого класса всю их мафиозную группировку вычислили и несколько ребят вылетели из школы. Мишу, конечно, тут же заложили. Но он доучился до выпуска – доказать-то ничего не удалось. Да и не мог он вылететь – гусеницы не летают.

Да, ещё в школе Куницын заметил, что выгода там, где человеческая рассеянность, многозадачность, сумбур. Невнимательные люди уязвимы, беспечны. Учителей обмануть было просто – они вечно загружены работой, утомлены. Они вечно в толпе и должны непрестанно отвечать на вопросы.

Обмануть профессоров, доцентов и академиков в институте оказалось не намного сложнее, но вот получить доступ к документам... Куницын пошёл от обратного и начал зарабатывать на студентах, которые были самыми вялыми и недееспособными на курсе – этим всегда нужно было выкрутиться, достать чужой конспект, вылезти из академических долгов. Не брезговал он и благодарностью студенток. Кстати, именно у них частенько обнаруживались состоятельные родители. Так что Куницын стал чаще ездить за границу и учиться уму-разуму у других «специалистов».

Довольно рано Куницын пришёл к выводу, что слабые и болезненные люди падки на чудодейственные средства. Его первая фирма торговала биологически активной добавкой к пище «СуперЭнергия», которая, судя по рекламе, содержала желчь редкого чёрного носорога. Данная добавка не только сулила восстановление сил, но и повышение либидо. Куницын, впрочем, сам её ни разу не попробовал, хоть и уставал от того, что его подпольной организации всё время нужно было сменять арендные помещения. А люди всё шли и шли.

Жуки. Тараканы. Клопы. Все они начинают так медленно двигаться, если запираешь их в банке с эфиром...

Пандемию усталости Куницын встретил улыбкой и раскрытыми объятиями. К этому моменту он уже был королём мошенников и фигурой в столице, в определённых кругах, легендарной. Его боялись и уважали.

К тому времени он выглядел подвижным лысоватым человечком средних лет, с цепким и опасным взглядом. Куницын тёр ладошку о ладошку, предвкушая куш: в крупной телефонной компании, куда он для виду устроился заместителем руководителя, его скоро прозвали Доберман Пинчер и едва не начали носить на руках. Это было единственное прозвище, которое Куницыну нравилось. Нет, было ещё одно Гений – простое и лаконичное.

А идея была проще простого: вводить побольше услуг для абонентов, которые они должны были отключать самостоятельно, после бесплатного периода пользования. Если в обычное время люди замечали подвох, то в период Великой Усталости последнее, что их беспокоило – отключение каких-то там установок на своих смартфонах.

«Копеечка за копейкой!» – приговаривал Гений, глядя как за неделю набегает очередной миллиард.

Однако, порадоваться его успехам скоро стало некому. Через месяц после того, как объявили о первых коматозных или уснувших (кто их там разберёт), клиенты перестали платить за связь. Один за другим начали исчезать новые коллеги Куницына. Чаще всего они не выходили на больничные и брали дни за своё счёта, так как чувствовали лёгкое недомогание. А потом исчезли вовсе.

В подпольной фирме по изготовлению «СуперЭнергии» тоже все затихли. Сотрудники перестали отвечать на звонки. Неужели съехали, не предупредив его? Или их накрыл отряд полиции? Или мошенники обманули мошенника? Куницын надел пальто, и поехал в фирму выяснять: что к чему.

Дверь в денежный подвальчик была открытой – заходи кто хочешь! Но документы и папки лежат на своих местах, сейф не тронут. И ни одного сотрудника... Даже Ольга Докучаева, его правая рука, которая выходила на работу хоть с бронхитом, хоть в пижаме (потому что он хорошо ей платил чёрненькими), так и не появилась.

И тогда Михаил Куницын пригорюнился, ибо до него дошло: усталость протянула свои склизкие щупальца по всей стране, поражая ядом каждого, кто попадался на пути, и сначала это было ему выгодно, а теперь нет. Усталость переигрывает, как истеричная актриса в театре. Он зарабатывал на ней, а теперь она зарабатывает на нём.

Родственников у Куницына не было, близких друзей тоже. Так, она падчерица, которая от него сбежала после смерти гражданской жены... Он проехался по адресам сотрудников, всех, кого знал лично. Двери их квартир встретили его гробовым молчанием.

Михаил Куницын прогулялся по городу, просто чтобы подтвердить то, о чём он уже догадывался. Озарение застало его посреди пустой площади, на которой обычно гуляли влюблённые парочки, семьи с колясками и туристы – Кто-то могущественный посадил человечество в банку, капнул каплю эфира и теперь наблюдает за тем, как все они медленно двигают ножками и ручками в предсмертной летаргии.

Кто-то, в этом Куницын не сомневался, теперь наблюдал и за ним. И не просто наблюдал, а помогал. Конечно, идея воспользоваться невнимательностью абонентов в период кризиса была не новой, и в его духе, но появилась она не на пустом месте.

Весь последний месяц доморощенный гений чувствовал нечто странное, когда появлялся среди скопления людей, его умственные и физические силы росли, а энергия его собеседников иссякала, они начинали жаловаться на головную боль и сонливость.

В нём же, напротив, рождалось какое-то новое чутьё, безошибочно определявшее кто так же силён, как и он, а кто слабеет и скоро выйдет из строя.

Когда мир уснул и опустел, он начал видеть оставшихся с особой ясностью, так как будто бы они были нанесены крохотными лиловыми огоньками на карте. Куницын ощущал связь между ними и потому отправился на их поиски.

Он никак не ожидал, что найдёт Пауков. Нет, это конечно, были не настоящие пауки с четырьмя парами ног, отвратительным брюшком и не моргающими глазками. На вид они напоминали обычных людей, пусть и несколько уродливых и куда более ловких. Но вели себя эти люди, не по-людски, именно как пауки. Всё время на кого-нибудь охотились, поджидая в засаде, устраивали ловушки, а найдя жертву, выпивали из неё все соки. Он нашёл их в опустевшем аэропорту – сбившихся в стаю охотников. Они не брезговали спящими, но особенно горячо приветствовали бодрствующих. Они напоминали одичавших детей из «Повелителя мух», не понимавших, где заканчивается их воображаемая игра и где начинается реальность.

Сначала Куницын испытывал к ним отвращение, как ко всем насекомоподобным существам, но потом задался вопросом: а кто же ему был в этой жизни действительно неприятен? Люди или пауки? Разве, в детстве, когда он заливал ползающих тварей в банке бензином и поджигал, не хотел он сделать то же со своим двоюродным братом и мальчишками, которые его обижали?

Пылающий мир, погибающий мир – вот его стихия. Стоит ли удивляться, что он оказался в команде с такими же – отвергнутыми, обиженными, непринятыми всеми.

При беглом знакомстве они казались обычными людьми, ничем не примечательными. В старом мире Куницын их просто бы не заметил. Кассирша из большого супермаркета, главврач провинциальной больницы, офисный работник и то ли охранник, то ли военный из аэропорта.

У последнего была вывихнута челюсть, и, хотя главврач вправил её на место, лицо охранника осталось непропорциональным, щека раздулась, из левого глаза постоянно текли слёзы, он мычал, а не говорил. От него пахло псиной, и на костюме цвета хаки повсюду виднелась шерсть и застаревшие пятна крови. Кто-то хорошенько отделал его до того, как все Посредники повстречались.

Да, было у них всех что-то общее, какой-то надрыв. Кассирша, где бы она ни оказалась, начинала наводить чистоту, убираться. Вот и теперь, наводила порядок в терминале аэропорта. Выглядела она ужасно: плечо вывихнуто, хромота на одну ногу. Клерк сказал, что её спустила с лестницы собственная дочь. Правда Паучиха хотела её убить, но это уже другая история...

Сам клерк тоже ходил с простреленной рукой. Всем им досталось от бодрствующих.

Но Пауки плохо чувствовали боль и почти не замечали своих увечий.

Куницын наблюдал за своими союзниками и про каждого узнал что-нибудь любопытное. Каждого рассмотрел через лупу.

Главврач качал энергию из целого городка, пока его не вычислили. Он лепил что-то несусветное про новый мир, в котором они будут на вершине пирамиды питания и установят свои порядки. Куницын плохо верил в такие лозунги, но в силе своих союзников успел убедиться. Их раны не болели и скоро заживали, их тела обладали невероятной силой.

Паучиха останавливала взглядом, пробиралась в самый мозг жертвы и обездвиживала её. Главврач, хотя и выглядел сутулым и тучным пожилым мужчиной, скакал по крышам, как гиббон и мог гнуть железные пруты. Охранник, пахнувший псиной, несмотря на травму, мог передвигаться с завидной скоростью и, кажется, по силе не уступал хирургу. Подобными качествами обладал и клерк.

Все они могли подолгу обходиться без воды и пищи, легко преодолевали пешком огромные расстояния и мало спали. Их внешние черты, человеческие, постепенно стирались, оплывали, как глиняные фигурки под дождём. Под старым слоем обнажалась их новая сущность – паучья, ненасытная, беспощадная. Казалось в них, в обычных людях, ей не откуда взяться. Но Куницын знал – все они были такими ещё до катастрофы – ненавидели человеческое.

Все они бежали от себя, пропадая сутками на работе и выматываясь донельзя. И каждый не получал взамен ничего кроме зависимости: от денег, от имущества, от адреналина.

– Теперь мы зависим от Неё, – сказал Куницыну главврач как-то вечером, тыча пальцем в небо.

– А ты уверен, что у этого Существа есть пол? – ответил маленький гений.

– Мы реки, впадающие в небесное озеро, – упрямо повторил доктор, перекрещивая мясистые руки на груди.

– Ну-ну, это я уже слышал...

Куницын не исключал, что крыша у его новых союзников постепенно едет. Доктор до поры до времени возглавлял эту банду спятивших, но, похоже, и сам он плохо понимал, что происходит. Маленький гений гадал, почему он всё ещё среди них, что привело его сюда, в аэропорт, и что следует сделать?

Ответ сидел, как раковая опухоль, внутри него. Он шёл к ним, чтобы повести за собой. Он знает, что от него требуется: отыскать тех, кто ещё не спит. Жалкую группку бодрствующих, которые объединились затем, чтобы отключить Источник силы. Он периодически видел их яркими точками в пространстве, когда закрывал глаза. Они бродили поодиночке, как Пауки, пока не встретились. Теперь они задумали вернуть ненавистный мир на прежние рельсы.

Потому их следует отыскать, посадить в банку и поджечь. И единственная причина, почему Паукам до сих пор не удалось это сделать – разобщённость группы и постоянный голод, который заставлял его союзников принимать необдуманные решения.

– Доктор всё время говорит про этот Голос, – рассказывал клерк, выгадав момент, когда они остались одни. – Говорит, что следует беспрекословно слушаться его. А где он был, когда мы попали впросак в бизнес-центре? Где он теперь? Привёл нас в аэропорт, а тут уже никого нет.

– Они ещё могут появиться, – отвечал Куницын, закрывая глаза и пытаясь разглядеть яркие точки, на горизонте разума. – Они были разделены, теперь все собрались, и будут искать способ быстро добраться до горы.

– Лучше скажи мне, – шептал клерк, поглаживая раненную руку. – Ты сам веришь этому Существо? Может оно просто использует нас?

– Я бы на твоём месте гнал эти мысли. Если оно умеет забираться в голову, то, что ты говоришь, может ему не понравится. Лучше ответь мне, чего хочешь ты?

– Ещё силы, ещё энергии. Это ни с чем не сравнить. Ни с женщинами, ни с наркотиками.

«И всё-таки это наркотик. А ты наркоман» – подумал Куницын. Он остался единственным, в этой группе, кто сознательно не злоупотреблял энергией жертв. Вернее, кому было

позволено не злоупотреблять. Видимо, сознание маленького гения должно было оставаться чистым.

Его интересовало другое – азарт, соревнование, игра. И неземное Существо давало ему это.

– Если хочешь снова испытать это, – ответил маленький гений клерку. – Делай, что говорю. Отрежем им пути отступления. Сожжём все самолёты, которые ещё способны взлететь. Сделаем так, чтобы они застряли в городе.

И в банке запылал огонь.

Пауки стояли на лётном поле, вдыхали горький дым жжёной резины и пластика, тихо переговаривались. В их лиловых глазах отражалось пламя. Пламя, в котором сгорало всё их прошлое.

На следующее утро Куницын проснулся раньше всех, посмотрел на чёрный дым, валивший из догорающих останков самолётов и попробовал сконцентрироваться.

Какое-то время он видел только черноту, потом в нём замаячил лиловый шар. Он летел издалека, он приближался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.